



СНВ ПОДПИСАН – ЧТО ДАЛЬШЕ?

8 апреля 2010 г. в Праге президенты России и США подписали новый Договор СНВ. Что будет после ратификации Договора, если, конечно, она произойдет¹? О каких конкретных шагах можно будет говорить в сфере нестратегических вооружений, в вопросах асимметрии, в области сокращения запасов ядерных вооружений, ПРО? Что такое сдерживание в условиях мира после холодной войны? Отвечает ли новый Договор новым реалиям и новым угрозам?

На эти и другие вопросы ответили участники круглого стола, организованного ПИР-Центром совместно с фондом Плаушерс в июне 2010 г.: Ричард Берт, Посол, сопредседатель Global Zero, глава делегации США на переговорах по СНВ в 1991 г.; Е.П. Бужинский, консультант ПИР-Центра, генерал-лейтенант, начальник Международно-договорного управления – заместитель начальника ГУ Международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.); А.В. Радчук, советник начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ; Майкл Эллеман, эксперт по ядерной программе Ирана и вопросам международной безопасности; слушатели Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности – 2010. В качестве ведущего и модератора выступил Дэвид Хоффман, редактор Международного отдела Вашингтон Пост (2001–2009 гг.), член СУПР.

ДЭВИД ХОФФМАН (ЧЛЕН СУПР): Когда я был сотрудником газеты *Вашингтон Пост*, я посвятил много времени теме холодной войны и даже написал книгу². Я всегда писал о глубине недоверия, которое было характерно для США и Советского Союза в последние годы холодной войны, когда уже делалось многое, делались шаги навстречу друг другу – тогда трудно было представить, какого уровня достигнут отношения наших стран. Сегодня, когда наши отношения во многом строятся на диалоге, одним из результатов которого стало подписание нового Договора СНВ, мы задаемся вопросом, **что будет после ратификации этого договора?**

И этот вопрос – далеко не единственный. О каких конкретных вещах можно будет говорить в повестке дня, когда наши лидеры перешагнут те границы, которые были очерчены на сегодня? Коснутся ли договоры, которые последуют за новым Договором СНВ, нестратегических вооружений, вопросов асимметрии, запасов ядерных вооружений? Зачем нужны ядерные ракеты, если существуют абсолютно новые вызовы безопасности, такие как, например, теракт 11 сентября 2001 г.? Какое можно применить сдерживание против нападения террористов на московский метрополитен?

Думаю, мы начнем с вопроса о том, готовы ли Америка и Россия идти в направлении *глобального ноля*. Что требуется для того, чтобы осуществить такое движение?

РИЧАРД БЕРТ (GLOBAL ZERO, ГЛОБАЛЬНЫЙ НОЛЬ): Мы все нуждаемся в том, чтобы руководство наших стран проявляло инициативу в движении к *глобальному нолю*,



так как это предотвратит попадание ядерных материалов в руки террористов – что так немаловажно в свете новых угроз, на которые обратил внимание Дэвид Хоффман.

Я являюсь председателем *Global Zero* с американской стороны, однако отмечу, что это *международная* инициатива: у нас имеются сопредседатели от Британии, Индии, Китая, России, Пакистана, Франции и других стран. Естественно, мы занимаемся вопросами планирования и прогнозирования, и поэтому была создана Международная комиссия, которая подготовила план на 20 лет, содержащий рекомендации для ядерных государств и направленный на движение в направлении *ядерного нуля*. Международная комиссия пришла к выводу, что необходимо не просто проведение еще одного раунда переговоров по этой теме, а *процесс* дальнейших переговоров, который займет продолжительное время. Две ближайших цели, два ближайших этапа будут состоять в проведении двухсторонних переговоров между США и Россией по сокращению вооружений. Это должны быть *всеобъемлющие* переговоры, которые будут относиться не только к размещенным на стратегических носителях боеголовкам, но и к тактическим видам вооружений, а также к тем зарядам, которые находятся *на хранении*. Последующий этап должен включить переговоры по вопросам о взаимоотношении между оборонительными и наступательными вооружениями; необходимо включить в повестку дня и вопрос о ПРО.

Я думаю, что обе стороны должны поставить перед собой четкие цели и достичь соглашения, которое ограничило бы общее количество ядерных зарядов примерно до тысячи единиц. Эта цифра очень важна. Я считаю, что если каждая из сторон может снизить количество своих зарядов до тысячи, то и другие страны получат стимул принять участие в этом процессе, и именно это положит начало второму этапу, очень важному в политическом, международном плане, при этом сами переговоры выйдут из двухсторонней плоскости и станут многосторонними.

Стоит также помнить, что сегодня главная угроза – это не угроза ядерной войны между США и Россией. Сегодня главная угроза состоит в том, что террористы могут использовать ядерное оружие в таких городах, как Нью-Йорк, Москва, да и в любых других. Главным способом усиления режима нераспространения является осуществление процесса по контролю. Ядерные государства должны убирать политические преграды. Такие группы, которые использовали самолеты для нападения на Нью-Йорк, такие группы, которые организуют террористические акты в Москве, не должны иметь доступа к ядерному оружию.

Е.П. БУЖИНСКИЙ (КОНСУЛЬТАНТ ПИР-ЦЕНТРА): Я позволю себе высказать иную точку зрения. На мой взгляд, было бы неправильно сейчас быть преисполненным каким-то совершенно необоснованным оптимизмом и энтузиазмом, который ждет нас впереди на пути полной ликвидации ядерного оружия – *ядерный ноль* и так далее. С моей точки зрения, разговоры о *ядерном ноле* являются своего рода *политической целью*. Когда-нибудь это может быть реализовано. Но ставить сроки, что через 10 лет, через 15 лет мир будет свободен от ядерного оружия – это фантазии. Это, конечно, возможно – но не в этой жизни. Как сказал в свое время президент В.В. Путин по поводу проблемы Курильских островов – это вопрос не нынешних поколений. Мне кажется, что и здесь – ситуация та же самая.

А.Г. САНАКОВЕВ (МИД РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ): Договор ДВЗЯИ является одним из тех соглашений, которые ведут к *ядерному нолю*. Какие шаги предпринимаются США и Россией по скорейшему вступлению Договора в силу и когда США ратифицирует этот Договор?

БЕРТ: Прежде всего, я считаю, что достаточно досадно, что этот договор еще не был ратифицирован Соединенными Штатами. Его нужно было ратифицировать в американском Сенате еще 10 лет назад, но, как уже отметили сегодня несколько участников конференции, администрация Обамы, возможно, планирует добиваться ратификации ДВЗЯИ после ратификации нового Договора о СНВ. Я считаю, что это является целью данной администрации. Я думаю, что договор в конечном итоге нужно ратифицировать, он должен вступить в силу, если США и другие ядерные государства будут продолжать работать над расширением режима нераспространения.

ХОФФМАН: Что будет делаться дальше в вопросах ПРО? Есть ли какой-то общий путь в этой области у России и Соединенных Штатов?

БУЖИНСКИЙ: Официальная американская позиция состоит в том, что вопросы ПРО и вопросы СНВ абсолютно не связаны между собой. Однако каждый эксперт понимает, что они связаны теснейшим образом. Я предвижу, что и наши депутаты, и американские сенаторы сделают целый ряд заявлений по ПРО. Американцы опять повторяют, что они не связаны никоим образом этим Договором. Наши депутаты, будьте уверены, еще раз, и в достаточно категоричной и жесткой форме, зафиксируют то, что если система глобальной ПРО будет развиваться, то выполнение Договора будет поставлено под вопрос.

Когда я прочитал этот четырехэтапный план развития ПРО в Европе, для меня, конечно, это стало *хорошим* сигналом. Это означает, что в ближайшие 10 лет американцы, которые собираются размещать в Европе только мобильные средства, *не собираются* создавать серьезной системы ПРО, которая бы поставила каким-то образом под угрозу наши наступательные силы сдерживания. Потому что серьезные системы на одних мобильных средствах базироваться не могут.

Я не знаю, случайно это или нет, но срок исполнения, срок действия Договора, подписанного в Праге, и сроки реализации американских планов создания ПРО в Европе совпадают – это 2020 г. Но если через 10 лет опять начнутся разговоры о шахтном базировании, особенно вблизи наших границ – тогда, конечно, ни о каком дальнейшем движении по сокращению, по крайней мере, российского ядерного потенциала речи быть не может.

СИМОН ГАРИБЯН (ГРУЗИЯ, СТУДЕНТ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА): Как могут повлиять подписание и ратификация нового Договора СНВ на развертывание или свертывание системы ПРО в Европе?

БЕРТ: Прежде всего, стоит принять во внимание решение администрации Обамы не продолжать реализацию планов администрации Буша по развертыванию элементов ПРО в Польше и Чехии. Изначально решение разместить ПРО в Европе было аргументировано с позиций опасности возникновения иранской угрозы. Новая администрация приняла решение о том, что старая концепция не представляет собой эффективный и рациональный способ нейтрализации иранской угрозы. В соответствии с новой концепцией системы ПРО должны быть развернуты в других географических точках – на юге Европы и Ближнем Востоке. На мой взгляд, пересмотр концепции явно способствовал заключению нового Договора СНВ и стал важным шагом, который облегчил проведение этих переговоров.

МАЙКЛ ЭЛЛЕМАН (МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ): Я бы хотел подойти к проблеме ПРО в Европе в несколько ином ракурсе. Институт, в котором я работаю, целый год исследовал возможности иранских ракет. И мы собрали очень много информации, собрали экспертов из разных стран. Все участники всю свою карьеру посвятили исследованиям в области разработки, производства, тестирования, размещения, развертывания и даже уничтожения баллистических ракет. С этой группой у нас появилась уникальная возможность оценить не только возможности иранских ракет, но также производственную инфраструктуру. Кроме того, мы пытались оценить потенциальные временные рамки – если вдруг Иран решит создать ракеты того или иного типа, сколько ему потребуется на это времени.

Фактически Иран уже имеет очень хороший набор самых различных ракет, а также обладает инфраструктурой, включающей в себя средства производства, разработки, запуска ракет в космос. На сегодня иранцы собрали 200–300 ракет, основанных на советском *Скаде* – это ракеты среднего радиуса действия *Шахаб 1* и *2*, имеющие дальность до 1500 и 1800 км. Кроме того, они уже начали разрабатывать твердотопливные ракеты дальностью 2300–2400 км, и до момента их развертывания может оставаться два-три года.

Стоит отметить, что Иран – это первая страна, которая разработала ракету на 2000 км, еще не обладая ядерным оружием.



Баллистические ракеты такого типа, которые есть сегодня у Ирана, пока очень неточные и поэтому имеют очень ограниченные возможности для военного применения. Эти ракеты можно использовать только в целях запугивания. Поэтому, если логически подумать, то складывается впечатление, что эти ракеты *должны* в конечном итоге доставлять именно ядерную боеголовку.

В настоящий момент ракеты, которые есть у Ирана, в состоянии решать оборонные задачи. То есть они закрепляют иранский военный потенциал в районе Персидского залива, а также сдерживают главного противника, которым является Израиль. Однако Иран еще не разработал ракет, которые могут угрожать целям в Европе. Одна из ракет может долететь с очень небольшой полезной нагрузкой до некоторых районов южной и восточной части Европы, но я не думаю, что Иран собирается угрожать целям за границей Ближнего Востока.

Почему мы пришли к такому выводу? Главным образом потому, что мы не знаем, сколько собирается создать ядерных боеголовок первого поколения Иран. Масса боеголовки первого поколения – где-то примерно 1300–1400 кг. Дальность полета *разрабатываемой* сегодня в Иране ракеты уменьшится с 2200 до 1500 км, если на нее поставить боеголовку такой массы. То есть этого все равно, конечно, будет достаточно, чтобы нанести удар в Израиле. Но если поставить подобную боеголовку на ракеты, которыми *сегодня* располагает Иран, то у них не хватит дальности, чтобы нанести удар даже в Израиле. Поэтому логика следующая: иранцы решили создать ракету, дальность которой будет более 2000 км, для того чтобы доставлять более тяжелые боеголовки до цели. Таким образом, идея защиты Европы от предполагаемой атаки Ирана не может не вызывать вопросов.

Один из важных аспектов нашего исследования касался того, что мы пытались определить ключевые виды мероприятий, которые Иран должен осуществить для того, чтобы разработать новые ракеты большего радиуса действия. Мы пришли к выводу, что программа разработки ракет включает в себя, во-первых, обязательные полетные тесты. То есть в течение трех-пяти лет их нужно проверять. Это означает, что если Иран постарается создать ракету, которая сможет долететь до Парижа или Лондона, то потребуются колоссальные программы НИОКР, необходимо будет разработать новый двигатель, осуществлять программы тестирования. Это займет не менее пяти-шести лет. Можно, конечно, сократить сроки тестирования, но исторически, судя по опыту других стран, которые разрабатывали ракеты на большие расстояния, это занимало как минимум три-четыре года – в гораздо лучших условиях и с поддержкой иностранных экспертов.

В будущем мы будем знать заранее о возникновении ракетной угрозы со стороны Ирана. Фазовый адаптивный подход, который применяет администрация Барака Обамы при создании ПРО, говорит о том, что просчитывается целая серия различных возможностей, которые могут быть реализованы, а могут и не быть воплощены. Пока нельзя с точностью сказать, потребуются ли проводить третью и четвертую фазы подхода. То есть если Иран будет угрожать целям, защиту которых должны будут обеспечивать третья и четвертая фазы (начнут проводиться программы развития ракет с новыми возможностями), то у нас будет достаточно времени для того, чтобы разместить необходимые системы защиты. И в этом случае ПРО *связана* с сокращением стратегического оружия.

Что касается Европы, у нас есть гибкость в отношении того, каким образом мы разрабатываем нашу будущую противоракетную оборону. Все это дает возможность России и США продолжать работать совместно для того, чтобы лучше изучить иранскую ракетную программу и принять соответствующие решения.

ХОФФМАН: Что такое сдерживание в условиях асимметричного мира, мира *после холодной войны*? Сколько оружия достаточно иметь? Может быть, мы создали договор, который все же относится к эре, которая *ушла в прошлое*?

БЕРТ: Я помню эти старые американские фильмы-вестерны про ковбоев. Там кто-то говорил: знаете, проблема в вашей долине состоит в том, что тут у вас слишком много оружия. Сегодня зачастую подразумевалось, что проблема ограничения вооружений в России и США связана с тем, что источник конфликта – это само по себе оружие. Я

с этим не согласен. Было время, когда проблема в наших отношениях была экзистенциальной. У нас были разногласия по идеологии, по политической системе, и мы тогда находились в состоянии борьбы за преобладание. Эти времена уже в прошлом. И сегодня существование этих видов оружия и разработка нового оружия *не являются* источником наших разногласий.

И с политической точки зрения, и с экономической мы учимся сотрудничеству. Процесс ограничения вооружений теперь может стать значительно более радикальным, всеобъемлющим, глубоким, чем когда-либо в прошлом. Я считаю, что существующий СНВ – новый СНВ – является скромным шагом к запуску, к открытию *нового* процесса разоружения.

Если мы остановимся на нынешнем этапе, если мы не сможем привлечь к этому процессу другие ядерные государства, если мы не найдем способа уничтожить в конечном итоге это оружие, то через 15–20 лет мы будем жить в совершенно другой реальности. Мы можем оказаться в мире, где ядерных государств будет уже 25 или 30. И это будет гораздо более опасный мир, чем тот, в котором мы живем сегодня. Мы должны обратить свои взоры на эти новые проблемы.

США и Россия понимают взаимосвязь этих процессов. Когда мы открываем возможность для участия в процессах нераспространения для дополнительного количества стран – мы работаем на будущее.

БУЖИНСКИЙ: Прежде всего, я позволю себе не согласиться с той оценкой Договора, которую только что высказал Ричард Берт. Он назвал это очень скромным шагом на долгом пути, который, в конце концов, приведет к полной ликвидации ядерного оружия. Я с этим не согласен. После восьми лет полнейшего отрицания самой необходимости контроля над вооружениями, любых договоренностей в области сокращения ядерного вооружения, обнародования очень амбициозных планов строительства глобальной противоракетной обороны я считаю, что этот договор – это *прорыв*. И с моей точки зрения, расценивать его как скромный шаг было бы неправильно.

Однако существует ряд сложностей. *Во-первых*, прежде чем говорить о реализации договора, стоит обратиться к вопросу ратификации. Я абсолютно уверен, и президент Д.А. Медведев обозначил это, что ратификация должна быть одновременной. Но Дума никогда его не ратифицирует раньше, чем это сделает американский Сенат. То есть сначала должны ратифицировать американцы. Пусть на пять минут раньше, но все-таки раньше, потому что опыт договора СНВ-2 и адаптированного договора ДОВСЕ показал – мы ратифицируем, а американцы находят всяческие причины, чтобы не ратифицировать.

Во-вторых, вопрос тактического или нестратегического ядерного оружия – тоже очень сложный вопрос. Почему-то считается, что у России есть какие-то огромные запасы тактического ядерного оружия, а вот у американцев – буквально *считанные единицы*. Но это тоже не так. У нас тоже прошли очень значительные сокращения нестратегического или тактического ядерного оружия. Кроме того, для нас тактическое ядерное оружие – при том *диспаритете* в обычных вооружениях, при том отставании в высокоточных системах, которое пока что существует между Российской Федерацией и Соединенными Штатами – является одним из главных средств, гарантирующих безопасность Российской Федерации. И люди, которые отвечают за национальную безопасность, конечно, об этом думают в первую очередь.

Что касается поднятого здесь вопроса «*что дальше?*», то стоит помнить, что планировать на долгосрочную перспективу мы не можем. *Ближайшая* перспектива – это оставшиеся два года президентства Барака Обамы и нахождения его администрации у власти. *Среднесрочная* перспектива – это если он будет переизбран на второй срок, а все, что дальше, – это вообще покрыто туманом. Если снова приходит администрация, которая полностью отрицает любые договоры в сфере контроля над вооружениями – ни о каких дальнейших шагах мы говорить не можем.



Ну и, наконец, сколько вооружений нужно для сдерживания? Мы в свое время в Министерстве обороны, в Генеральном Штабе серьезно подходили к этому вопросу. Те цифры, которые зафиксированы в Договоре – 1500 – достаточны для того, чтобы обеспечить интересы национальной безопасности России. Конечно, мы бы хотели иметь количество носителей меньше 700, 500. Но у американцев свои планы, у них на повестке дня стоит стратегическое оружие в неядерном снаряжении, поэтому мы и не пошли ниже того рубежа, который указан в Договоре.

А.С. ДЪЯКОВ (ДИРЕКТОР ЦЕНТРА РАЗОРУЖЕНИЯ, ЭНЕРГЕТИКИ И ЭКОЛОГИИ, МФТИ): Перед тем как начались переговоры по недавно заключенному договору СНВ, в России очень часто обсуждалась проблема возвратного потенциала, и она рассматривалась наравне с развитием американской стороны системы ПРО. Отчасти также рассматривались вопросы, касающиеся крылатых ракет морского базирования большой дальности. Тем не менее, мы все видим, что после того, как переговоры прошли, Договор подписан, и эти вопросы исчезли с повестки дня, их сейчас никто не обсуждает. Мой вопрос заключается в следующем: эти вопросы исчезли для российской стороны окончательно, и они в будущем, если мы будем продолжать переговоры и консультации о дальнейших шагах по сокращению ядерного оружия, не появятся, или они умерли временно, а потом они могут снова возникнуть?

БУЖИНСКИЙ: Я считаю, что проблема возвратного потенциала не полностью, но частично решена. Проблема заключается в носителях. Можно иметь 10 000, 20 000 боеголовок, но если у вас 100 носителей, они улетят и обратят к вам не вернуться. Поэтому вот эти две магические цифры – 700 развернутых носителей и 800 всего – вот эта дельта в 100 и есть *возвратный потенциал*, который могут иметь стороны. Это небольшой возвратный потенциал. То, что вышли на количества в 700 и 800 носителей – это огромный прогресс, потому что изначально присутствовали четырехзначные числа. Что касается крылатых ракет морского базирования, существуют красные линии, которые трогать нельзя, но мы хотели достичь результата. Этот Договор – это результат компромисса; при компромиссном пути достичь всех целей, которые хотелось бы поставить, к сожалению, не всегда удается.

А.Г. ДАНКОВ (ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА): Существует мнение, что активная поддержка американцами идеи глобального ядерного *ноля* связана с тем, что Соединенные Штаты, которые, безусловно, являются лидерами в производстве и разработке современных видов высокоточного оружия, таким образом пытаются лишить Россию и другие страны единственного средства стратегического сдерживания, которое могло бы противостоять новой военной силе США. В этих условиях необходимо ли в дальнейшем жестко увязывать сокращение ядерных арсеналов с сокращением современных видов высокоточного оружия? Или подобной увязки нет, и более актуально этот вопрос увязывать с системой ПРО?

ХОФФМАН: Я считаю, что нет никакой связи между высокоточными видами вооружения и возможностью нанесения ядерного удара. США не стремятся разоружить мир, чтобы получить какое-то преимущество. Я думаю, что возможность ударить по цели точно, с минимальным ущербом для окружения – это значительно более предпочтительный способ воздействия по сравнению с ядерным оружием.

ЧЭНЬСИН ВАН (КИТАЙ, СТУДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА): У меня вопрос по поводу трехсторонних стратегических отношений Китая, США и России. Можно сказать, что подписание СНВ в российско-американских отношениях – это большое событие. С другой стороны, в этом году крупное событие также произошло в китайско-американских отношениях – начался стратегический диалог между двумя странами. Можно сказать, что именно после начала стратегического диалога между двумя странами в Северо-Восточной Азии формируется новая архитектура безопасности и новая архитектура стратегических отношений между США и Китаем. В связи с этим я хочу задать такой вопрос: как США будут балансировать стратегические интересы с Китаем, какие приоритеты и какие конкретные шаги США намерены предпринимать? И второй вопрос, какую роль будет играть Россия в новых стратегических отношениях, насколько велика будет эта роль?

БЕРТ: С точки зрения США, я сделаю несколько общих и, как может показаться, противоречивых замечаний. Я думаю, если мы посмотрим на современную международную повестку дня, то, с американской точки зрения (я говорю здесь не об администрации Обамы, а об общем восприятии, которое существует в США), американо-китайские отношения наиболее важны для США. И причиной этого является тот факт, что Китай становится современной развитой страной, которая очень быстро адаптируется к реалиям XXI в. У него очень динамичная экономика. Он глобально развивается во многих отраслях. Он становится настоящей современной державой, и не столько в военном, сколько в геополитическом и геоэкономическом плане. Я считаю, что динамика и стремление Китая к модернизации делает отношения с этой страной важным фактором американской политики, а сам Китай – естественным партнером для США.

Однако это никак не исключает Россию из партнерства. Но я думаю, что, с точки зрения Америки, России необходима модернизация. Россия не может быть мировой державой в XXI в., в век геоэкономики, если ее могущество преимущественно обеспечивается либо за счет ракет, либо за счет нефти и газа. России нужно развиваться и модернизироваться. И большой трудностью, на мой взгляд, является необходимость проведения культурных, политических и нормативных изменений, которые позволят развивать инновационную экосистему. Это очень важно, потому что в ближайшем будущем международная конкуренция будет сосредоточена в сфере инноваций.

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

А.В. РАДЧУК (СОВЕТНИК НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ): Для того чтобы понять, какое нас ждет будущее, полезно, наверное, заглянуть в прошлое. Ядерное оружие свою дисциплинирующую роль в XX в. выполнило, и больше 60 лет нет больше глобальной мировой войны. После того как был достигнут пик количественных показателей ядерного оружия, по обоюдному согласию СССР и США начался процесс взаимного сокращения СНВ. Если посмотреть на те максимумы ядерных боезарядов, при которых начинались переговоры по СНВ, то станет очевидным, что на сегодня достигнуто более чем 80-процентное сокращение: с более чем 10 000 стратегических боезарядов мы вышли практически на 1500. Как гласит закон диалектики, которую никто не отменял, количественные изменения переходят в качественные, но переходят они поэтапно.

Вспомним историю переговоров. Переговоры ОСВ-1, 1972 г. – расцвет холодной войны и первые ростки разрядки: качественные ограничения, взаимное понимание того, что ядерная война – это плохо, это катастрофа, надо с этим что-то делать. Были наложены некоторые качественные ограничения, которые остановили движение вверх. Это был хороший импульс. Затем были Хельсинки, и казалось, пошел процесс общего положительного влияния на ситуацию в мире. Потом 1980-е гг. – история *звездных войн* и некоторое осложнение ситуации, за чем последовали проблемы в Советском Союзе. И, наконец, 1991 г. – Договор СНВ-1. Уровни СНВ понизились значительно, до 6000 – это 40-процентное сокращение. По истечении очередного десятилетнего цикла произошел выход США из Договора по ПРО, ориентация на силовое решение всех проблем в мире, на монополярный мир, отрицание, как Е.П. Бужинский уже сказал, любого переговорного процесса по ограничению и сокращению вооружений вообще. В этих условиях родился Договор СНП – не очень сильный, очень маленький по объему и своим требованиям, но все же определил дальнейшее движение вниз. Прошло меньше восьми лет, и новый договор зафиксировал еще большее снижение. Итак, если соединить на кривой количественные показатели ядерных группировок, то мы увидим плавно снижающуюся кривую, асимптотически приближающуюся к некоторой величине. *Ядерный ноль* ли это? Вряд ли. Скорее всего, этот уровень между теми цифрами, которые обсуждались сегодня – в районе 1000–1500 ядерных боезарядов. Такое ощущение, что эта асимптота существует, но существует она не по вычислениям математиков, а где-то в головах у людей, принимающих решения.



С учетом того, что нам рассказали сегодня участники переговоров, а также основываясь на той главе из книги господина Хоффмана, которую мы с удовольствием прочли недавно в журнале *Индекс Безопасности* (надеемся, что и саму книгу скоро прочтем), *рефлексивность* – то есть субъективные подходы, личные качества лидеров – играет чрезвычайно большую роль. Например, мы видим, что пришла администрация Обамы, и буквально за год изменились все подходы к политике, взгляды на применение силы, на переговоры, на необходимость сотрудничества и так далее. Каков мир сегодня, как на него смотрим мы, и как на него смотрят лидеры, и что же будет через те самые 10 лет, когда придет срок окончания Договора? Оглядываясь на сорокалетнюю историю переговоров, мы видим, что мир перед заключением каждого Нового договора менялся кардинально: менялся экономический строй, менялись балансы сил, менялись взгляды на роль и место военной силы в мировой истории. Чем дальше, тем глубже и серьезнее становятся эти изменения, особенно в нашем глобальном мире. Конечно, может, и мировой финансовый кризис также повлиял на принятие нового договора с новыми потолками, потому что когда денег много, то можно позволить себе излишества, в том числе и в военной сфере. Когда денег мало, вопрос о том, что лучше – поесть, или купить новую одежду, или потратить их на что-то еще, стоит очень остро. Поэтому, глядя в долгосрочную перспективу, надо все же ответить на два вопроса.

Первый – каким будет мир, что будет в этом мире главенствовать, какие центры силы появятся, и какими для них будут важнейшие инструменты обеспечения собственной безопасности и проведения своей политики. И второй вопрос – как будет восприниматься ядерное оружие в мире вообще. Замечательные цифры статистических опросов по поводу восприятия нового Договора СНВ показывают, что это – как матч за звание чемпиона мира по шахматам. Когда играли Спасский–Фишер или Карпов–Каспаров, все с утра следили, как закончится партия, на каком ходу, сколько ничьих, знали все вплоть до деталей личной жизни участников. Сейчас вряд ли многие из здесь присутствующих назовут имя действующего чемпиона мира по шахматам. Что-то исчезло. Так же, наверное, что-то исчезает в отношении к ядерному оружию, и, наверное, интерес к нему скоро будет определяться лишь профессиональной деятельностью.

Что станет важнейшим силовым фактором через 10 лет в мире: нестратегическое обычное оружие, высокоточное оружие или, как некоторые говорят, *ионосферное оружие*, *управляемые плазмиды* или что-то еще, по сравнению с которыми ядерное оружие станет игрушечным пистолетом? А может быть, наоборот, та программа всеобщего и полного разоружения, которую еще Никита Сергеевич Хрущев выдвинул практически полвека назад, призывая к полному уничтожению оружия всех типов, будет реализована, и помимо глобального *ядерного ноля* появится еще и *обычный ноль*?

Сказать трудно, так как мы не знаем, какие лидеры будут принимать решения. Поэтому в среднесрочной перспективе, на мой взгляд, до 2015 г., до следующей обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО есть своеобразная *стратегическая пауза*. Мы вроде бы все козыри предъявили, показали, что можем. Теперь можно немного расслабиться и подумать о вечном, то есть о том, что такое сила, военная сила, что такое ядерное сдерживание, как соотносится ядерное оружие со всеми другими видами оружия, и выработать эти новые понятия. Только тогда появится правильное понимание и желание что-то сделать в ядерной сфере. А о том, на какой уровень эта ядерная асимптота выйдет и в каком году – думаю, мы с вами узнаем не скоро. Очевидно, этот уровень – далеко за пределами не только второго, но и десятого электорального цикла наших руководителей. 🍀

Примечания

¹ В момент подписания номера в печать Договор находился в процессе ратификации законодателями США и России.

² Главы книги Дэвида Хоффмана были опубликованы в журнале *Индекс Безопасности*. См.: Дэвид Хоффман. 1983. *Индекс Безопасности*. 2007. № 1 (81). С. 169–184.